

ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА (LOCI COMMUNES) КАК СРЕДСТВО ПАСПОРТИЗАЦИИ БЫЛИН¹

1

Среди многочисленных зафиксированных русской наукой былинных произведений значительное место занимают непаспортизованные или недостаточно паспортизованные былины. Фактически все записи былин до 70-х годов XIX века оказываются без необходимой паспортизации. Сюда относятся все рукописные тексты былин XVII—XVIII веков, былины сборника Кирши Данилова, былины сборников Киреевского, Шейна и даже некоторые записи Рыбникова. Больше того, даже последующие собиратели (Гильфердинг, Григорьев, Марков, Ончуков и др.) не дали да и не могли еще дать всех необходимых для исследователей сведений о жизни былин. Не могли они, например, сообщить, откуда пришла необычная для данной местности былина (обычно в этом случае собиратели заявляют, что сказитель выучил былинку на стороне). Не всегда сообщают собиратели об учителях сказителей, а сообщенное часто оказывается неверным.

Все эти вопросы чрезвычайно важны для науки, и без их решения затруднена постановка ряда научных проблем. Возьмем к примеру настольный для всех исследователей сборник Кирши Данилова. Как относиться к былинам этого сборника? Представляют ли они собой общерусскую былинную традицию XVIII века, или традицию одной области (западно-

¹ В статье приняты следующие сокращения:

- Аст.** — Былины Севера, т. I, записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой, М.—Л., 1938; т. II, подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой, М.—Л., 1951.
- Гильф.** — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Изд. 4-е, тт. I—III, М.—Л., 1949—1951.
- Григ.** — А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904; т. III, СПб., 1910.
- К. Д.** — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.
- Кир.** — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—X. М., 1860—1874.
- Марк.** — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.
- Онч.** — Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.
- Рыбн.** — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, тт. I—III. М., 1909—1910.
- Сок.—Чич.** — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. Изд. Гос. литературного музея, М., 1948.
- Тих.—Милл.** — Н. С. Тихонов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.

(Римскими цифрами везде обозначен том или выпуск, арабскими — страница).

сибирскую?), а может быть, традицию одной былинной школы, или, наконец, в сборнике представлены былины одного сказителя? Отношение к материалу при разных ответах на эти вопросы будет различным.

Большую помощь в паспортизации былин могут оказать их *типические места* (*loci communes*), которые, в отличие от мест переходных, с определенным сюжетом не связаны и перекочевывают из одной былины в другую.

Объем типических мест в контексте былин очень велик. По нашим предварительным подсчетам, типические места составляют примерно от 20 до 80 процентов всего словесного текста былин. Эти колебания определяются, с одной стороны, сюжетом (в былинах на одни сюжеты их больше, на другие — меньше); с другой стороны, — творческой манерой сказителя. Так, в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» Т. Г. Рябинина (Гильф., № 74) из 272 строк всего произведения приблизительно² 120 строк занимают типические места; в былине «Дюк» И. П. Сивцева-Поромского (Гильф., № 225) из 558 строк приблизительно 180 строк приходится на типические места; в былине «Дунай» В. Тяросова (Григ., III, № 309) из 342 — 240, и т. д.

Круг вопросов, связанных с изучением типических мест, необычайно велик. В настоящей работе ставится только одна задача: попытаться уяснить, каковы индивидуальные приемы сказителей в использовании типических мест, а в связи с этим выяснить возможность применения их в качестве средства для паспортизации былин.

Большую помощь в паспортизации былин может оказать изучение самой номенклатуры типических мест. Все типические места былин с точки зрения их географического распространения разделяются на следующие четыре группы.

В первую группу входят общерусские типические места. Они распространены во всех областях, где бытовал и бытует русский эпос. Сюда относятся такие типические места, как пир у князя Владимира, вход в гридню, «ускоки» коня, избивание врага и т. п.

Эта группа типических мест весьма многочисленная и, очевидно, наиболее древняя. Она встречается в некоторых произведениях древней русской литературы, в частности в «Слове о полку Игореве», где типические места занимают большую долю текста. Многие из типических мест «Слова» находят параллели в современном как былинном, так и сказочном эпосе, например описание боя. В «Слове»:

Бишася день, бишася другий;
Третьяго дни к полуднию падоша стязи Игореви.

В былинах:

Он ведь суточки бил силу, други пошли,
И други-ти пошли сутки, третъй пришли;
Он добрался до самого царя Каина.

(Марк., 43).

В обоих произведениях мы имеем дело не с описанием реально происшедших событий, а с традиционным изображением этих событий.

² Мы оговариваемся, что этот подсчет приблизителен, поскольку номенклатуры типических мест до сих пор нет и то или иное место былины может оказаться спорным — отнести ли его к типическому или переходному.

Другая группа типических мест встречается только у сказителей одной какой-либо области. Так, например, развернутая формула седлания коня характерна только для северных сказителей, сказителям других областей (например, центральных) она вовсе не известна.

Формула «беседы» —

Не дорого нам пива пьяного,
А дорога нам беседа смиренная.
Во беседе сидят люди добрые,
Говорят речи хорошие.

(Кир., I, 20—21).

— характерна только для симбирских сказителей, в северных былинах она не встречается.

Третья группа типических мест имеет еще более узкое локальное распространение и употребляется только сказителями какого-либо района или даже сказителями одной школы. Так, например, формула быстротечности времени —

И еще день за день как быто дождь дождит,
Да неделя за неделей как река бежит.

(Гильф., II, 86).

— встречается только у онежских, преимущественно у кижских сказителей.

Формула прихода в дом —

Тыки-стук, тыки-стук на крылецо,
А он бряк, тыки-бряк да за колечико,
А он за то же за витое за серебряно,
За серебряно колечушко позолочено.

(Григ., III, 40).

— характерна только для мезенских, преимущественно дорогогорских сказителей.

Отдельные талантливые сказители иногда создают свои, только им присущие типические формулы. Так, например, следующая формула —

А и вырублю чудь белоглазую,
Прекрочу сорочину долгополую.
А и тех черкес пятигорских,
И тех калмыков с татарами,
Чюкши все и алюторы.

(К. Д., 133).

— должно быть, принадлежит сказителю, былины которого опубликованы в сборнике Кирши Данилова.

Следовательно, уже по одному отбору типических мест, использованных в той или иной былине, можно судить о том, где эта былина была создана, к какому областному стилю она принадлежит.

Но этого мало. Общерусские типические места, имея повсеместное распространение, не имеют строго установившегося законченного вида. Они также в соответствии с особенностями общественной жизни и быта народа приобретают специфически местные очертания.

Возьмем, к примеру, типическое место — вход богатыря в гридню к князю — и проследим его локальные изменения. Симбирские былины:

Илья Муромец во полаты восходил,
Поклонился князю киевскому.

(Кир., I, 33).

Онежские:

Зашел же во полаты белокаменны,
 Крест кладет да по писаному,
 А поклон ведет да по ученому,
 Бьет челом да покланяется
 А на всих же на четыре на сторонюшки,
 Князю со княгинушкой во особину.

(Гильф., I, 115).

Пинежские:

Пошли они ко князю Владимиру,
 Становились на полы да на дубовыя.
 Крест-от они да по писаному кладут,
 Поклон-от они да по ученому ведут,
 Князю со княгиною целом-от бьют.

(Григ., I, 193).

Мезенские:

А идет тут Дунаюшко на красно крыльцо
 А заходил во гридню княженевскую;
 Он ступает в гридню ногой правою,
 А он поклон-от ведет по ученому,
 А он на все на четыре кругом стороны
 Он князю Владимиру челом де бьет,
 Он челом де бьет, низко кланяецься.

(Григ., III, 29).

Печорские:

Заходит во гриню княженевскую,
 Княженевскую гриню, во столовую;
 Богу в угол добрый молодец молится
 И кланяется во вси стороны,
 Князю и княгине на особицу.

(Онч., 87).

В пределах областных былинных стилей происходит дальнейшее варьирование типических мест по районам и школам сказителей.

Таким образом, изучение структуры типических мест многое может дать для определения места создания былины.

Определить место, где сложилось то или иное былинное произведение, — дело для науки крайне важное, но не менее важным является определение авторов-сказителей былин. Былины, являясь плодом коллективного творчества народа, в конкретном проявлении живут только в индивидуальной форме, и изучение коллективных форм творчества возможно только посредством изучения индивидуального своеобразия этой формы. Вот почему наука с давних пор особое внимание обратила на индивидуальное своеобразие творчества сказителей. Однако проблема индивидуальной творческой манеры сказителей часто решалась с субъективных позиций исследователей.

Как нам кажется, уяснение природы типических мест былин может помочь исследователю и в изучении индивидуального мастерства. Здесь важна та особенность типических мест, на которую мы уже имели возможность обратить внимание, — своеобразие типических мест в репертуаре определенного сказителя, неповторимости их у других сказителей.³

³ Эта особенность типических мест была отмечена еще А. Ф. Гильфердингом (Гильф., I, 57—58).

Возьмем одно из самых распространенных типических мест — хвастовство гостей на пиру. Пределы изменения этой формулы в былинах разных сказителей огромны: от простой констатации похвальбы гостей на пиру до хвастовства предметами самыми неожиданными и необычайными. Ср., например, следующие три формулы:

Уж как вси на пиру-то напивалисе,
Вить и вси на щёснѣм наедалисе,
Да и вси на щёснѣм приросхвастались.

(Кир., IV, 72).

Князи и бояра пьют, едят, потешаются
И великим князем похваляются.

(К. Д., 87).

А все ли на пиру да напивалисе,
А все ли на щесном да наедалисе,
А все ли на пиру да пьяны-веселы,
А все ли на пиру да приросхвастались,
А все ли на пиру да разбахвалились.
А глупой-ёт-то хвастат да молодой женой,
А ище глупее хвастат да родной сестрой,
А умной-ёт да хвастат родной матушкой,
А купцы-те хвастают те товарами,
А ле теми ли товарами заморскими,
А богатыри хвастают своей силушкой,
А не той ли силушкой богатырскую,
А не выслугою ли да паленищью,
А Олешенька хвастат да всё добрым конем,
А добрым конем да своим Карюшком:
«А могу скáчить — могу выскочить».

(Аст., I, 125).

Объекты похвальбы могут быть самыми различными. Обычно гости на пиру хвалятся богатством, боярами, быком, женой, жемчугом, житьем-бытьем, заслугой, золотом, имением, казной, Киевом, конем, копьем, крестьянами, луком, матерью, могутѣй, наречием, одеждой, одним (иной одним — другой другим), отцом, палицей, платьями, плечом, поездкой, портом (портками), родом-племенем, самим собой, сбруей, седелками, седлом, селами, серебром, сестрой, силой, слугой, смелостью, стрелой, судьбой, тем и иным, тем и сем, теремом, товарами, удалью, удачей, ухваткой, участью, хваткой, храбростью, шляпой, шубой. Всего в обследуемых нами сборниках в формуле хвастовства нам встретилось 58 объектов похвальбы. (А каждый сказитель в любой момент может привлечь и новые объекты).

Естественно, что при таком количестве элементов, входящих в формулы похвальбы, возможность совпадения этого типического места у сказителей сравнительно мала. И, действительно, из обследуемых нами сборников мы выписали формулу хвастовства у 115 сказителей, количество же неповторимых комбинаций достигло 86. Таким образом, даже по содержанию формула хвастовства у большинства сказителей различна, но и в том случае, если содержание ее в общих чертах совпадает, по своему словесному выражению она у каждого сказителя своеобразна, отлична от формул других сказителей. Ср., например, следующие две формулы:

С. Неклюдиной (Гильф., II, 393):

Вси на пиру да наедалися,
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да поросхвастались:
Умный хваста отцом-матерью,
Ой безумный хваста молодой женой.

П. Сухова (Сок.—Чич., 643):

Уж как вси ли на пиру да напивалисе,
Уж как вси ли на пиру да наедалисе,
Напивалисе все ли на пиру да пьяны-веселы,
А все ли на пиру да порасфасталися:
А умной-от бахвалит отцём-матерью,
Безумной-от бахвалит молодой женой.

Буквальных совпадений этой формулы у разных сказителей во всех анализируемых сборниках нам не встретилось. Вообще совпадение типических мест былин разных сказителей — явление до крайности редкое и в исключительных случаях возможно лишь в кратких формулах, у сказителей, состоящих между собой в родственных связях и развивающих семейную былинную традицию.

Ср., например, формулу «указание на время пира» у Д. Суриковой и ее сына А. Сурикова.

Формула Д. Суриковой (Гильф., II, 414):

Красно солнце на вѣчери,
Почестен пир у них на вѣсели.

У А. Сурикова (Сок.—Чич., 542):

Красное солнышко да на вечере,
А почестѣн пир иде на вѣселе.

Но, как мы видим, даже и в таких случаях едва уловимое различие в словесном выражении формулы все же есть.

Поскольку типические места у разных сказителей своеобразны и отличны от соответствующих формул других сказителей, то, следовательно, при усвоении былин они не заучиваются наизусть. Сказитель, стремясь «понять» былинку, все неясное, непонятное ему заменяет понятиями близкими. Вот почему, например, на пиру у Владимира могут присутствовать и генералы, и казаки с Тихого Дона, и бурлаки, и мужики.

У типических мест есть еще одна замечательная особенность: они, как говорилось выше, переходят из одного былинного сюжета в другой и при этом сохраняют для данного сказителя свои характерные специфические черты. При этом большинство сказителей вырабатывает твердый текст типических формул, и они почти с буквальной точностью переходят из одного сюжета в другой.

Приведем в качестве примера типическое место — пир у князя Владимира — сказителя А. Чукова.

«Потык» (Гильф., II, 485):

Во стольном было во городе Киеви,
Да у ласкова у князя у Владимира
Как было пированье почѣстный пир
Да на многих тых князей, бояр,
Да на всех тых гóстей званных-браных,
Званных-браных, гóстей приходящих.

«Ставр» (Гильф., II, 495):

Во стольном было городе во Киеви,
Да у ласкова князя Владимира
Было пированьице почестной пир
А на многих князей да на бояров,

Да на всех тых гóстей званных-бранных,
Званных-бранных, гóстей приходящих.

Для сопоставлений привлечем и записи Рыбникова.
«Потык» (Рыбн., I, 173):

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Было пирование — почестный пир
На многи князи да на бояра,
На всех тых гостей званных-бранных,
Званных-бранных гостей, приходящих.

«Ставр» (Рыбн., I, 202):

Во стольном было городе во Киеви,
У ласкова князя у Владимира,
Как было пирование — почестный пир
На многие князи, на бояры,
На всех тых гостей званных-бранных,
Званных-бранных гостей, приходящих.

Как видим, формула пира у Чукова, переходя от одного сюжета в другой, сохраняет свое словесное оформление. Больше того, эта формула за десятилетие, которое отделяет записи Гильфердинга от записей Рыбникова, не претерпела никаких изменений.

Несколько иначе обстоит дело со сказителями-импровизаторами. Они также вырабатывают твердый текст большинства типических мест, но некоторые типические формулы знают не твердо, текст их может быть неустойчивым. Однако, переходя из одного сюжета в другой, типические формулы все же сохраняют специфические, присущие только данному сказителю черты.

Приведем формулу пира сказителя-импровизатора А. Сорокина.
«Ставр» (Рыбн., II, 233):

Во славном во городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Как был столованье — почестный пир
Для своих-то князей для бояринов,
Для сенаторов для думных,
Для вельмож и купцов богатых,
Для поляниц-то удалых
И для Росейских могучих богатырей.
Тут пошло у них столованье — почестный пир.

«Соловей-Будимирович» (Рыбн., II, 232):

Тут заводил (князь Владимир, — П. У.) для Олешы
Ради любезныя племянницы,
Молодой Любавы Путятичной,
Забирал столованье — почестный пир
[Для] многих князей да бояринов, сенаторов думных,
Вельмож-купцов богатых, поляниц удалых,
Росейских могучих богатырей.
Как тут собирал да почестный пир,
Как пошел столованье — почестный пир.

«Добрыня в отъезде» (Рыбн., II, 179):

Тут заводил (князь Владимир, — П. У.) для Олешы
столованье — почетный пир,
Собирал для Олешы на почетный пир многих тут,
Князей-бояринов, сенаторов думных,

Вельмож-купцей богатых, поляниц удалых,
Росейских могучих богатырей;
Пошло у них столование — почетный пир.

«Дюк» (Рыбн., II, 209):

Тут солнышко Владимир-князь
Забирал для удалого молодца столование — почетный пир
Многих князей и бояринов⁴ думных,
И вельмож, купцов богатых,
И поляниц удалых,
И Росейских могучих богатырей.
Пошло у них столование — почетный пир.

Привлечем тексты Гильфердинга.

«Илья и Калин» (Гильф., I, 630):

А й просил (Владимир, — П. У.) к себе их всех да на почестен пир,
А й как всех он князей-бояр топерь,
А й как всех сенаторов как думных,
А й как всех вельмож, купцев теперь богатых,
А й как поляниц да всех удалых,
А й русейских сильних могучих богатырей.

Следует заметить, что только в былине о Ставре эта формула дана в зачине, во всех других сюжетах она включена в контекст произведений, и этим объясняется своеобразие начала формулы. Основная же часть формулы устойчива, специфична для Сорокина, и ее нельзя спутать с подобной формулой другого сказителя, а ведь надо иметь в виду своеобразие творческой манеры сказителя. А. Ф. Гильфердинг отмечал у Сорокина «склонность к личному сочинительству», которая не могла не отозваться и на его былинах. «Ни в ком, — писал А. Ф. Гильфердинг, — не было видно такого, можно сказать, бесцеремонного отношения к тексту былин. Однажды, записывая былинку, которую я уже прежде слышал от Сорокина, я заметил ему в одном месте, что он прежде пел этот эпизод иначе. — „Ах, это все равно, — отвечал Сорокин, — я могу спеть так или иначе, как вам будет угодно!“»⁵ И вот даже у такого сказителя типическая формула пира, как и другие, отлилась все же в законченную форму.

Подведем общие итоги анализа типических формул в былинах.

1. Типические формулы, как и былины в целом при их усвоении, сказителями наизусть не заучиваются. Вот почему типические формулы сказителей-учеников отличаются от типических формул сказителей-учителей. Степень этого различия определяется творческой манерой сказителей.

2. От частого повторения былин сказители всех категорий обычно вырабатывают твердый текст типических формул. Эти формулы для данного сказителя являются специфическими, отличными от формул других сказителей.

3. Эти твердо выработанные сказителем формулы используются во всех исполняемых им сюжетах (в тех сюжетах, где они нужны по ходу действия).

⁴ Должно быть, слово «бояринов» вместо обычного для Сорокина «сенаторов» вставлено самим П. Н. Рыбниковым, поскольку он в примечании, например, к былинке «Ставр» указывает, что вместо «сенаторов» в тексте должно быть «бояринов» (см. примечание: Рыбн. II, 233).

⁵ Гильф., I, 52—53.

4. В зависимости от содержания, формулы одного сказителя в различных сюжетах могут видоизменяться, но обычно своеобразные черты этих формул прослеживаются всюду.

2

Поскольку типические формулы одного сказителя отличаются от типических формул всех других сказителей, а типические формулы этого сказителя являются специфическими для него и применяются во всех исполняемых им былинах, эта закономерность может быть использована в качестве ключа для определения авторства (сказительства) тех текстов былин, автор (сказитель) которых не известен: если типические формулы одного произведения совпадают с типическими формулами другого произведения, то принадлежность их одному автору (сказителю) бесспорна.

Эта закономерность нами была уже использована для определения авторов-сказителей былин сборника Кирши Данилова.⁶ Приведем здесь другие примеры.

П. С. Ефименко в «Материалах по этнографии русского населения Архангельской губернии» опубликовал шесть былин из с. Зимней Золотицы в записи священника И. Розанова. А. В. Марков, собиравший былины в том же селе 25 лет спустя, высказал предположение, что Розанов записал былины от сказителя Ф. Т. Пономарева. Те былины, которые были записаны И. Розановым, Марков вновь не записал, поэтому сопоставление текстов для подтверждения предположения Маркова произвести нельзя.

Попытаемся проверить предположение Маркова нашим методом. Прежде всего посмотрим, принадлежат ли все шесть былин, записанных Розановым («Дунай», «Соломан», «Иван Гоудинович», «Дюк», «Илья и Соловей», «Илья и Дунай»), одному сказителю.

Размеры статьи не позволяют нам привести все типические места былин, поэтому мы только в целях объяснения своего метода ограничимся установлением общности былин по одной формуле из каждой былины.

О принадлежности былин «Дунай» и «Соломан» одному сказителю можно судить по формуле поручения достать невесту.

«Дунай» (Тих.—Милл., 116):

Все у меня в городе поженены,
Все красны девицы исподаваны;
Один-то я, Владимир, холост хожу,
Холост хожу, — не женат слыву;
Не знает ли кто мне обручницы,
Обручницы мне-ка сопротивницы.

«Соломан» (Тих.—Милл., 247):

Все у нас в городе испоженены,
Красны девицы исподаваны;
Один я, Василий-царь, холост хожу, —
Холост хожу, — не женат слыву;
Не знает ли мне кто обручницы,
Обручницы мне сопротивницы.

Об общности былин «Дунай» и «Иван Гоудинович» свидетельствует, например, формула затворничества невесты.

⁶ Из наблюдений над стилем сборника Кирши Данилова. Русский фольклор. Материалы и исследования, т. I, М.—Л., 1956.

«Дунай» (Тих.—Милл., 118):

Сидит Опракся в новой горнице,
 Чтобы буйны ветры не завяляли,
 Чтобы лишни-то люди не зазрили.

«Иван Годинович» (Тих.—Милл., 284):

Сидит-то Овдотья в новой горнице,
 Чтобы буйны ветры не завяляли,
 Чтобы лишни-то люди не зазрили.

Об общности былин «Иван Годинович» и «Илья и Дунай» свидетельствует формула единоборства.

«Иван Годинович» (Тих.—Милл., 286—287):

Разъехались богатыри по чисту полю,
 Ударилась палицами тяжелыми:
 У них палицы поломались,
 Они друг друга богатыри не ранили.
 Разъехались богатыри во второй након,
 Ударилась сабельками острыми:
 У них сабельки пощербались,
 Они друг друга богатыри не ранили.
 Разъехались богатыри во третей након,
 Ударилась копыцами острыми:
 У них копыца по яблокам ломались,
 Друг друга богатыри не ранили.
 Скакали через гривы лошадиные,
 Брали за ремень за подбрудное,
 По колен в сыру землю втоптались.
 По Иванушкову было по счастью,
 По Иванушковой по участи:
 Как у татарина ножка подвернулася,
 Права ручка окользнулася.
 Сшиб как Иванушка Годенович,
 Сшиб татарина поганого,
 Сшиб царя на сыру землю,
 Сел-то царю на черны груди,
 Забыл-то Иванушка Годенович свой булатен нож

«Илья и Добрыня» (Тих.—Милл., 61—62):

Разъехались богатыри по чисту полю,
 Съехались богатыри в одно место,
 Ударилась палицами тяжелыми:
 Они друг друга не ранили.
 Разъехались братаны во второй након,
 Ударилась сабельками острыми:
 Сабли у них пощербались,
 Друг друга богатыри не ранили.
 Разъехались братаны во третей након,
 Копьями они ударились:
 Друг друга богатыри не ранили.
 Скакали через гривы лошадиные,
 Брали за ремень за подбрудное,
 По колен-то в сыру землю втоптались.
 По Добрынюшкину было по счастью,
 У осударя права ножка подвернулася,
 Лева ручка окользнулася.
 Мастер был Добрынюшка боротися,
 Сшиб осударя Илью Муромца на сыру землю,
 Сел осударю на белы груди,
 Вынимает из цынгалища булатен нож.

Некоторые расхождения в формулах следует отнести за счет содержания былин, другие — за счет нетвердой памяти сказителя, но принадлежность данного типического места одному сказителю вряд ли может быть подвергнута сомнению; это станет особенно очевидным, если сопоставить данную формулу с аналогичной формулой других сказителей.

Общность былин «Дунай» и «Илья и Соловей» можно определить по следующей, например, формуле.

«Дунай» (Тих.—Милл., 119):

Останься-ко, Олешенька, на широком дворе,
Секи-то ты татар старого и малого,
Не покидай ни единого на семена.

«Илья и Соловей» (Тих.—Милл., 10):

Поехал осударь Илья Муромец
В ту же силу да неверную,
Секет он старого и малого,
Не покидает ни одного на семена.

Общность былин «Дюк» и «Дунай» устанавливается по следующей формуле.

«Дунай» (Тих.—Милл., 117):

Садил Дуная во больше место,
Во больше место — во большой угол.
Наливали чару зелена вина,
.....
Хмелина у Дуная в голове появилась.

«Дюк» (Тих.—Милл., 174):

Садил-то Дюка во больше место,
Во больше место — во большой угол,
Обносят по чаре зелена вина,
Хмелина во Дюке появилась.

Таким образом, все былины, записанные Розановым, обнаруживают сходство типических мест, и в принадлежности их одному сказителю трудно сомневаться. Это было бы еще очевиднее, если бы для сравнения были привлечены и все другие типические места былин.

Теперь сравним формулы Ф. Т. Пономарева в записи А. В. Маркова с формулами былин, записанных Розановым.

Формула хвастовства у Ф. Т. Пономарева (Марк., 476):

Ишше все на пиру-ту да напиваючись,
Ишше на пиру-ту да наедаючись, —
Ишше все ведь на пиру-ту да приросхвастались:
Шьто иной-от сидит хвастаё золотой казной,
Шьто иной-от сидит хвастат широким двором,
Шьто иной-от сидит хвастаёт добрым конем,
Сидит глупой-о хвастае молодой женой,
Неразумной-о хвастаё родной сестрой,

Эта же формула у неизвестного сказителя (Тих.—Милл., 115):

Все на пиру напивались,
Уж как все на пиру наедались,
Уж как все на пиру прирасхвастались:
Иной-то хвастает широким двором,
Иной-то хвастает золотой казной,

Иной хвастает добрым конем.
Глупой-то хвастает молодой женой,
А неразумной похвалется родной сестрой.

Если пренебречь качеством записей Маркова и Розанова (последний записывал под диктовку, а поэтому и сам сказитель опускал нужные во время пения частицы), то формула Пономарева целиком совпадает с формулой неизвестного сказителя. В такой же близости находится и большинство других формул былин Пономарева и былин неизвестного сказителя. Следовательно, предположение Маркова о том, что Розанов записал былины Пономарева, следует считать подтвержденным.

Приведем еще аналогичный пример. А. Е. Грузинский, переиздавая сборник былин П. Н. Рыбникова, решил расположить в нем былины не по сюжетам, как было в первом издании, а по сказителям. При отнесении былин к тому или иному сказителю он руководствовался в основном показаниями собирателя (в «Заметке») и сличением текстов былин разных сказителей. Так, обосновывая прикрепление былин сказителя, названного у Рыбникова Федотовым, к Дутикову, Грузинский писал: «Из 7 былин, записанных Рыбниковым у своего „Федотова“, только две (Илья и Идолище и Садко) совпадают с гильфердинговскими, но мы попробовали сравнить „федотовский“ репертуар с записями Гильфердинга у Домны Суриковой из той же дер. Конды, научившейся былинам от того же Конона с Зяблых Нив; в результате оказалось близкое сходство еще трех былин».⁷

Возьмем одну из этих былин — «Дюк» — и проверим, правильно ли А. Е. Грузинский прикрепил ее к Дутикову? Сопоставим типические места этой былины с типическими местами былин Дутикова в записи Гильфердинга.

Формула охоты у Федотова (Рыбн., I, 356):

И пошел-то Дюк Степанович по заводям,
По заводям да ведь по зарекам,
И стрелял гуся и лебедя,
И пернастых серых утушек.

Формула охоты у Дутикова (Гильф., II, 445, — «Илья и Идолище»):

Как ездил Илья Муромец во чистом поле,
Во чистом поле ездил за охотою,
Стрелял Илья гусей да лебедей,
Стрелял малых перелетных серых утушек.

У Дутикова в другой былине (Гильф., II, 457, — «Королевичи из Крякова»):

Езди поляница удалая,
Федор Петрович, княженецкий сын,
Во чистом поли за охотою:
Стрелял гусей да лебедей,
Малых перелетных серых уток.

Формула охоты у Дутикова в записи Гильфердинга довольно устойчива: в обеих былинах богатырь охотится в чистом поле, утушки всюду сохраняют эпитеты «перелетные серые», охота именуется «охотою» и т. п. Трудно допустить, чтобы формула в былине «Дюк» неизвестного сказителя (пока так будем его именовать) принадлежала Дутикову, но, как это бывает со сказителями, в разных былинах они иногда могут употреблять и разные формулы. Приведем для сравнения ту же формулу у других ска-

⁷ Рыбн., I, 347—348.

зителей. Наиболее близкую параллель к формуле неизвестного сказителя находим у С. Корнилова (Гильф., II, 280):

Он (Сокольник, — П. У.) поехал тут по зарекам да ведь
по заводам,
Он стрелял тут гусей, лебедей
Да й пернастых серых утушек.

Формула Корнилова почти буквально совпадает с формулой неизвестного сказителя. Пока воздержимся от выводов и сопоставим другие формулы этого сказителя с аналогичными формулами у Дутикова.

Седлание коня (Рыбн., I, 357):

И тут-то пошел Дюк Степанович
По дворам да по конюшенкам,
Выбирал себе коня по разуму,
Не для красы-басы молодецкия,
А для крепости-то богатырския;
И выбрал-то коня бурушка-кавурушка,
Маленького бурушка и косматенького,
И одевал-то он уздичу тесмянную;
И клadyвал-то мустук золоченый,
Не для красы-басы молодецкия,
А для крепости богатырския.
И он встегал тут пряжки-ты серебряны,
И вдергивал он иглы золоченыя,
Не для красы-басы молодецкия,
А для крепости богатырския.

Формула Дутикова (Гильф., II, 450):

А и тут Добрынюшко Микитинич
Седлал он своего добра коня,
На добра коня клadyвал потнички,
На потнички войлочки,
На войлочки седелочко черкасское,
Двенадцать подпружков подтягивал,
Шелку да шемуханского
Не ради красы-басы ужоества,
А для ради закрепы богатырския.

Опять же удивительное несоответствие формул! Приведем для сравнения формулу С. Корнилова, которая находится в наибольшей близости к формуле неизвестного сказителя (Гильф., II, 285):

Тут пошел-то Дюк Степанович
По дворам-то по конюшенкам,
По дворам да по конюшенкам
Избирать себе коня да ведь по разуму,
Он выбирал-то коня себе по разуму,
Бурушка маленького и косматенного.
Он надел-то ведь уздицу-то тесмянную,
А не для красы-басы молодецкия,
А для крепости да богатырския;
Он кладет-то ведь седельшко черкасское,
А не для красы-басы молодецкия,
А для крепости да богатырския;
Он подтягивает подпруги шелковыя,
А семи шелков да шемаханских,
А не для красы-басы молодецкия,
А для крепости да богатырския;
Он ведь стягивает тут пряжки-то серебряны.
И он вдергивает тут иглы золоченыя,
А не для красы-басы молодецкия,
А для крепости да богатырския.

За исключением некоторых деталей, совпадение формул неизвестного сказителя и С. Корнилова — почти буквальное.

Формула отъезда (Рыбн., I, 358):

Видели доброго молодца сядучись,
А не видели доброго молодца поедучись,
Столько видят, что в поле кудельба стоит.

У Дутикова (Гильф., II, 450):

Вид'ли добрых коней седучись,
А не вид'ли поедучись.
Не путем поехали — дорожкой,
А прямо через стену городовую,
Одна куревка в чистом поли стоит,
От тех копыт да лошадиных.

Формула С. Корнилова (Гильф., II, 286):

Видели добра молодца сядучись,
А не видели добра молодца поедучись,
Только видят, что в поли кудельба́ стоит,
А под Дюком-то конь как стрела летит.

Заметим, что слово «кудельба» встретилось только у одного Корнилова и повторяется им настойчиво (см., например: Гильф., II, 288 и др.).

Из всех формул, которые встречаются в былине «Дюк» неизвестного сказителя и в былинах Дутикова (в записи Гильфердинга), нет ни одной близкой, но в то же время все формулы неизвестного сказителя почти буквально совпадают с формулами сказителя Корнилова.

От Корнилова была записана А. Ф. Гильфердингом и былина о Дюке. Если сопоставить ее с нашей былиной, то увидим, что они во многом совпадают. Однако, как можно установить из сопоставления былин Корнилова в записях Рыбникова и Гильфердинга, он принадлежит к сказителям-«рассказчикам», твердого текста своих былин не создает, одни и те же эпизоды рассказывает по подробно, то сжато (ср., например, его былину «Илья и Сокольник» в обеих записях), эпизоды меняет местами. Когда записывал Гильфердинг, Корнилов не мог припомнить былин о Дюке до конца, она осталась незаконченной. Общая же схема сюжета этой былины Корнилова и былины неизвестного сказителя совпадают. Все это дает основание предположить, что былина о Дюке, записанная Рыбниковым от Федотова, принадлежит именно Корнилову, а не Дутикову, как ее по ошибке зачислил за ним А. Е. Грузинский. В этом легко убедиться, сопоставив типические формулы этой былины в записях Рыбникова и Гильфердинга.

К сожалению, подобные ошибки, допущенные Грузинским при переиздании сборника Рыбникова, не единичны. Иногда же Грузинский поступал слишком осторожно и былины, автор-сказитель которых может быть точно установлен, относил в разряд безымянных. Приведем один пример.

Возьмем одну из таких былин — о Василии Игнатьеве (Рыбн., II, 683). Не будем производить сопоставлений всех типических мест этой былины, а выделим только следующее, весьма характерное, место:

Из-под той с-под восточния сторонушки
Наедет Батыга Батыгович,
Со сыном со Батыгом Батыговичем,
Со зятем Тараканчиком Корабликовым,

Наезжает с дьячком да выдумщиком.
 У Батыги силы сорок тысящей,
 У сына силы сорок тысящей,
 У зятюшки силы сорок тысящей,
 У дьячка-то силы сорок тысящей,
 Обступили округ Киева кругом, кругом, кругом:
 Соколу лететь на меженный день,
 Маленькой птичке не пролететь.

Сравним это место с соответствующим местом былины И. Фепопова (Рыбн., II, 499—500):

Из-под той с-под восточния сторонушки
 Наедет Батыга Батыгович
 Со сыном со Батыгом Батыговичем,
 Со зятем Тараканчиком Корабликовым,
 Наезжает с дьячком да выдумщиком.
 У Батыги силы сорок тысящей,
 У сына силы сорок тысящей,
 У зятюшки силы сорок тысящей,
 У дьячка-то силы сорок тысящей.
 Обступили округ Киева кругом, кругом, кругом:
 Соколу лететь на меженный день,
 Маленькой птичке не пролететь.

В такой же близости находится и большинство других типических мест обеих былин.

Хотя безымянная былина записана в д. Большой Двор Песчанской вол. Пудожского у., а Фепонов — житель д. Мелентьевской Купецкой вол. Пудожского у., но в том, что обе былины принадлежат Фепонову, вряд ли приходится сомневаться: такая близость типических мест возможна только у одного сказителя. Фепонов — слепой, кормился подаванием, поэтому переходил из одного села в другое, и в другом месте могла быть произведена от него повторная запись (возможно, и не самим Рыбниковым).

При новом переиздании сборника Рыбникова должна быть произведена тщательная текстологическая работа.

Типические места могут быть использованы и для определения учителей сказителей. Близость типических формул в былинах (степень этой близости определяется конкретным материалом) свидетельствует об общности источника этих былин или о том, что они восходят к одной былинной традиции (все зависит от степени близости этих формул).

Обычно собиратели со слов сказителей стремятся указать, от кого сказитель воспринял ту или иную былинку. Однако эти показания сказителей часто бывают неточными. Сказители обычно отвечают: былины «поняли» от стариков.

Выяснение же вопроса об учителях сказителей — в конечном итоге вопрос об истории текста былин.

Возьмем в качестве примера былины сказителя И. А. Касьянова. Касьянов сообщил Гильфердингу, что он «научился в молодости петь былины от стариков, с которыми ездил на рыбную ловлю, преимущественно от некоего кривого Ивана Трофимова. В прежнее время знал былин весьма много, но потом бросил их петь, предавшись страстно чтению церковных книг для уяснения спорных между православною церковью и расколом вопросов. Это и привело его в единоверие, но, по словам Касьянова, заглушило былины в его памяти. При встрече с собирателем в Чолмужах

Касьянов не мог припомнить былины о Вольгѣ, но упоминал, что ее отлично знает и хорошо поет его сосед, раскольничий наставник Иуда Егоров. Впоследствии, прибыв в Петербург по поручению единоверческого общества для сбора на церковь, он уже пел эту былину со слов Егорова». ⁸

Итак, по показаниям Касьянова, свои былины он выучил преимущественно «от некоего кривого Ивана Трофимова», а былину о Вольге и Микуле — от Иуды Егорова. От Касьянова Гильфердинг записал следующие былины (Рыбникову он не был известен, и Рыбников записей от него не производил): «Вольга» («Вольга и Микула»), «Добрыня и Змей», «Добрыня и Алеша» (собирателем зарегистрированы как одна былина), «Михайло Потык», «Дюк», «Молодец и королевна» и исторические песни о взятии Казани и «Земский Собор».

Постараемся найти близкую параллель к типическим формулам былин Касьянова.

Формула седлания (Гильф., II, 543):

А Добрыня матушки не слушался,
Он зашел-то во конюшенку стоялую,
Он и взял себе да коня доброго,
Он седлал во седельшко черкаское,
Он потнички-то клал на потнички,
А на потнички-то клал ведь войлочки,
А на войлочки черкаское седельшко,
И натягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатой-то клал для ради крепости,
Чтобы добрый конь с седла не выскочил,
Добра молодца с седла не вырутил.
Подпруги-то были шелковыи,
А шпеньки-ты были булатныи,
Пряжки у седла да красна золота.
Вот как шелк не рвется, а булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на коне сидит не стареет.

Эта формула почти буквально совпадает с формулой А. Чукова (в былине «Добрыня и Змей» — Гильф., II, 467, в былине «Добрыня и Алеша» — Гильф., II, 474, в былине о Дюке — Гильф., II, 508—509 и в соответствующих былинах в записи Рыбникова. Здесь цитируется по Рыбникову: I, 148):

Добрынюшка матушки не слушался,
Идет на конюшенку стоялую,
Берет он своего добра коня;
Седлал бурка в седельшко черкаское,
Потнички клал на потнички,
А на потнички кладет войлочки,
А на войлочки кладет черкаское седельшко.
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцату клал ради крепости,
Чтоб добрый конь с-под седла не выскочил,
Добра молодца с добра коня не вырутил.
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у седла красна золота,
Шпеньки у подпругов все булатныя:
Тут шелк не рвется и булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на коне сидит — не стареет.

⁸ Гильф., II. 536.

Формула Касьянова о причине печали (Гильф., II, 478):

— Ай же ты, Добрынюшка Микитинич!
Что же ты, Добрыня, закручинился?
Али место тебе было не по чину,
Али чарой на пиру тебя пообнесли,
Дурак на пиру да надсмеялся-де?

И эта формула ближе всего к формуле А. Чукова (Рыбн., I, 151):

— Что же ты, Добрынюшка Никитинич,
Идешь с пиру сам кручиннисься?
Знать место там было не по чину,
Чарой на пиру тебя приобнесли,
Аль дурак на пиру надсмеялся-де?

Итак, типические формулы в былине «Добрыня и Змей» Касьянова находятся в исключительной близости к формулам А. Чукова. Сюжетная схема былин Касьянова и Чукова тоже необычайно близка. Отличия незначительны. Изложение каждого эпизода у Чукова обычно более детализировано, чем у Касьянова.

Естественно, возникает вопрос, воспринял ли Касьянов свои былины непосредственно от Чукова или же у них общий источник. Возможно, и Чуков — ученик «некоего кривого Ивана Трофимова»? А. Ф. Гильфердинг сообщает, что, по свидетельству самого А. Чукова, былины он выучил только от отца. Пока оставим этот вопрос открытым, а разберем былину Касьянова «Добрыня и Алеша». Типическим местам былины Касьянова подыщем параллели из былин других сказителей.

Жалоба богатыря (Добрыни) на свою участь (Гильф., II, 550):

Ты почто меня Добрынюшку несчастного спородила?
Ты бы лучше меня, матушка, спородила
Белым горячим камешком,
Завернула бы во тонкий белой рукавичек,
А спустила бы меня во синё море,
Я бы век там Добрыня во морé лежал,
Я не ездил бы далёче во чисто поле,
Не проливал бы я напрасно крови человечия.
Не слезил бы я напрасно крови человечия.
Не слезил бы я Добрыня отцов-матерей,
Не вдовил бы я Добрыня молодых жен,
Не сиротались бы да малы детушки!

Эта формула опять же ближе всего к формуле А. Чукова (Рыбн., I, 162):

Ты на что меня Добрынюшку несчастного спородила?
Спородила бы, государыня родна матушка,
Ты бы беленьким горячим меня камешком,
Завернула в тонкой в льяной во рукавичек,
Спустила бы меня во сине море;
Я бы век Добрыня в море лежал,
Я не ездил бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивал бы Добрыня неповинных душ,
Не пролил бы крови я напрасныя,
Не слезил Добрыня отцов-матерей,
Не вдовил Добрыня молодых жен,
Не пускал сиротать малых детушек.

Ответ матери (Гильф., II, 550):

Я бы рада тебя, дитятко, спородити,
Я таланом-участью в Илью Муромца,
Я бы силой в Святогора богатыря,
Я бы смелостью в Олеша да Поповича,
Красотою во Осифа Прекрасного,
А походкою щепетливою во того ли во Чурилушку Пленковича,
Я бы вежеством в Добрынюшку Никитича,
Только тыи статьи есть, других бог не дал,
Бог не дал, не пожаловал.

И это место почти буквально совпадает с формулой А. Чукова (Рыбн., I, 162—163):

Я бы рада тебя, дитятко, спородити
Таланом-участью в Илью Муромца,
Силой в Святогора богатыря,
Смелостью в смелого в Алешку во Поповича,
Красотой бы в Осипа Прекрасного,
Я походкою бы тея щепливою
Во того Чурилу во Пленковича,
Я бы вежеством в Добрынюшку Никитича:
Сколько тыя статьи есть, а других бог не дал,
Других бог не дал, не пожаловал.

Заметим, что и другие формулы Касьянова очень близки к формулам Чукова. Сюжетные схемы былины совпадают почти до деталей. Обратимся к былине Касьянова «Михайло Потык».

Формула пира (Гильф., II, 560):

Во стольном было в городе во Киеви,
У славного князя у Владимира
Был собран многопочетный пир
На всех-то князей, да ведь бояров,
На всех гостей званных-избранных.

Ближе всего к этой формуле примыкает формула А. Чукова (Рыбн., I, 173—174):

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Было пирование — почестный пир,
На многи князи да на бояра,
На всех тех гостей званных-бранных,
Званных-бранных гостей, приходящих.

Формула самоунижения женщин (Гильф., II, 489):

Ты, Михайло Потык сын Иванович!
У нас волос долог, да ум короток,
Нас куда ведут, а мы туда идем,
Нас куда везут, а мы туда едем.

То же и у Чукова (Рыбн., I, 178):

Ты Михайло Потык сын Иванович!
У нас волос долог, да ум короток,
Нас куда ведут, мы туда идем,
Нас куда везут, мы туда едем.

Не будем приводить дальнейших параллелей: все формулы былины Касьянова близки к формулам былины Чукова. В такой же близости находятся и сюжетные схемы былин.

Зачин былины о Дюке у Касьянова (Гильф., II, 569):

Во той было Индеи во богатя,
А был молодой боярин Дюк Степанович,
Он ходил по тихим по заводам,
Стрелял серых гусей и лебедей.

В относительной близости к этой формуле стоит формула А. Чукова из былины о Дюке (Гильф., II, 507):

Во тоя во Индѣи во богатя,
У честной вдовы Мамельфы Тимофеевне
Там был молодой боярин Дюк Степанович.
Он ходил-гулял по тихим все по заводам,
Стрелял серых гусей и стрелял лебедей.

Былина о Дюке у онежских сказителей довольно популярна, но только еще у двух сказителей — у П. Калинина и С. Корнилова — применены в зачине формулы охоты, однако их текстуальное выражение очень далеко от приведенных.

Итак, все общие места из былины Касьянова о Дюке по своему словесному выражению очень близки общим местам былины А. Чукова. В такой же близости находятся и сюжеты былин.

Былина-баллада «Молодец и королева» Касьянова также почти целиком совпадает с былинной Чукова.

Былины о Вольге и Микуле Селяниновиче у Чукова нет и, как заявил Касьянов Гильфердингу, он ее выучил со слов крестьянина И. Егорова.

Эта былина очень близка к былине Т. Г. Рябинина, но все же отличается от нее: у Касьянова есть такие детали, которых нет у Рябинина. Так, в былину Касьянова введен портрет Микулы, в конце былины сообщается, что Вольга дарит Микуле три города, и др. Все это заставляет заключить, что Касьянов пользовался иным источником. Близость же текстов обусловлена, очевидно, тем, что былины Егорова и Рябинина восходят к одному источнику, — возможно, к тексту Игнатия Андреева, от которого, по словам Рябинина, он «понял» эту былинку.

Историческая песня Касьянова «Взятие Казани» почти буквально совпадает с текстом, опубликованным в песеннике Чулова—Новикова (по изданию 1913 года, ч. I, № 123). У Касьянова добавлена лишь следующая концовка:

Говорят те татары таково слово:
— Вечно быть нашей Казани под святой Русью,
Под святой Русью непобедимую.
Непобедимую богом любимую.

(Гильф., II, 583)

У онежских сказителей ни Рыбниковым, ни Гильфердингом песня эта не зарегистрирована. Остается предположить, что Касьянов, поскольку он был грамотным человеком, пользовался каким-то книжным источником. (Об этом, в частности, свидетельствует явно литературная концовка песни Касьянова).

Источник исторической песни Касьянова «Земский Собор» (Гильф., № 161) остается неясным. Эта песня встречается еще у А. Чукова (Гильф., № 154) и Г. Амосова (Рыбн., № 158), но от текстов обоих сказителей вариант Касьянова имеет довольно существенное отличие.

Попытка выяснить источники былин Касьянова привела нас к следующим выводам.

1. Из семи былин и песен, записанных от Касьянова, пять являются точной копией былин А. Чукова; следовательно, все эти тексты Касьянов воспринял непосредственно от Чукова, а не через посредство какого-либо другого сказителя (например, мифического Ивана Трофимова): тексты учеников, воспринявших былины от одного учителя, никогда не бывают в такой близости между собой, как былины Касьянова и Чукова. То, что именно Касьянов воспринял былин Чукова, а не наоборот, можно заключить по следующим соображениям: Чуков почти на 20 лет старше Касьянова; от Чукова еще до Рыбникова производились записи былин и публиковались в «Олонецких губернских ведомостях» в конце пятидесятих годов; от Касьянова же впервые записывал только Гильфердинг.

2. Все тексты былин Касьянова восходят к записям от Чукова у Рыбникова; они сохраняют те детали былин Чукова, которые в записи Гильфердинга отсутствуют. Следовательно, былины Касьянов выучил в промежуток времени между записями Рыбникова и Гильфердинга (с 1860 по 1871 год). Если бы и раньше Касьянов был знатоком былин, тогда бы он стал известен Рыбникову, но последний о нем даже не упоминает.

3. По характеру творчества Касьянов является типичным представителем сказителей-передатчиков, стремящихся с возможной точностью передать усвоенный ими текст. Касьянов обладал большим художественным вкусом, он умело отбирал для своего репертуара тексты, разумно отбрасывая менее значимые детали, иногда же (очень редко) вводил в былины новые детали.

Так, с помощью анализа типических мест мы попытались выяснить источники былин одного сказителя.

Естественно, возникает вопрос: причем же здесь типические места, когда то же самое можно сделать при помощи непосредственного сличения текстов былин?

Иногда, действительно, тех же результатов можно достичь с помощью сличения текстов былин, но сличение текстов — дело крайне трудоемкое. С помощью же типических формул, если все они выписаны на карточки, установить близость былин можно очень быстро. Конечно, работа над текстом нужна и в этом случае, но к работе привлекаются только те тексты, которые нужны.

Необходимо учитывать и следующее: метод сличения текстов может дать положительные результаты, если анализируются тексты сказителей, имеющих твердые тексты. Если же анализируются тексты сказителей, у которых переходные места былин крайне неустойчивы, то сличение текста может привести к результатам неверным. В этом мы уже имели возможность убедиться, когда А. Е. Грузинский, в научной добросовестности которого сомнений быть не может, пользуясь методом сличения текстов, приписал былины одного сказителя другому. Только типические места, отливающиеся обычно у сказителей в законченную форму, являются надежным критерием, позволяющим установить близость былин.

С помощью сопоставления типических мест можно выявить фальсифицированные тексты былин, которые, к сожалению, проникли даже на страницы научных сборников. Приведем любопытный пример.

В журнале «Москвитянин» (1851, ч. 6, кн. 2) кн. Костровым была напечатана былина о Ставре. Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер перепечатали ее в своем сборнике «Былины старой и новой записи» со следующим примечанием: «Несмотря на заявление кн. Кострова, что былина записана

дословно, в ней заметны некоторые литературные подправки» (Тих.—Милл., 204).

Заинтересовавшись былинной Кострова, мы решили выяснить, в какой же местности была она записана. Результат оказался неожиданным. Рассмотрим ее типические формулы.

Пир (Тих.—Милл., 197):

Как во славном было во городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира,
Уж как было пированье, почестный пир,
Уж как было столованье, почестной стол,
Про многих про князей, про бояринов,
Про могучих богатырей свету-русских,
Да про всю поленицу удалую.

Из всех сказителей (всех сборников былин) ближе всего эта формула примыкает к формуле Кирши Данилова:

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова осударь князя Владимира
Было пированье, почестной пир,
Было столованье, почестной стол.
На мнози князи и бояра
И на русские могучии богатыри
И гости богатые.

(К. Д.. 87).

Только в былинной Кирши Данилова и в рассматриваемой нами былинной пир назван «пированием — почестным пиром, столованьем — почестным столом».

Указание на определенный момент пира (Тих.—Милл., 197):

А и был уж пир во полупиру.

Опять же эта формула очень близка к Кирше Данилову (стр. 87):

Будет день в половина дня,
Будет пир во полупире.

«Полупир» встречается обычно только у мезенских и печорских сказителей, но формула в целом у них более развернута.

Терем (Тих.—Милл., 197—198):

А что это за ограда во Киеве
У ласкового князя у Владимира?
У меня ли, у Ставра, широкий двор
Не хуже будет города Киева:
Он строен у меня на семи верстах,
Светлы светлицы дуба белого,
Покрыты светлицы седым бобром,
Потолок в светлицах черных соболей,
Пол-середа чиста серебра, —
Крючья, пробои по булату злачены.

Эта формула целиком совпадает с формулой Кирши Данилова, за исключением замены некоторых слов:

Что это за крепость во Киеве,
У великого князя Владимира!
У меня-де, Ставра боярина,
Широкой двор не хуже города Киева:
А двор у меня на семи верстах,

А гридни, светлицы белодубовы,
 Покрыты гридни седых бобров,
 Потолок во гридних черных соболей,
 Пол-середа одного серебра,
 Крюки да пробон по булату злачены.
 (К. Д., 87—88).

Портрет красавицы (Тих.—Милл., 198):

1. Она ростом, дородством дороднее всех,
2. Красотою, лепотою она краше всех,
3. Ее белое лицо — словно белый снег,
4. Ее черные брови — как у соболя,
5. Ее ясные очи — как у сокола,
6. У нее ягодицы — словно маков цвет,
7. А пальцы на ручках тонешеньки.⁹

За исключением добавленных в записи Кострова строк 1, 2 и 7, и эта формула — буквальный слепок с формулы Кирши Данилова из былины «О женитьбе князя Владимира» (в скобках заметим, что портрет красавицы в былинах о Ставре никогда не дается):

Ее белое лице, как бы белой снег,
 И ягодицы, как бы маков цвет,
 А и черные брови, как соболи,
 А и ясные очи, как бы у сокола.

(К. Д., 60).

Качества красавицы, о которых сообщается в строках 1, 2 и 7, не отмечены ни в одной народной былине. То, что они выдуманы самим Костровым, — очевидно.

Приказ заключить Ставра в погреб (Тих.—Милл., 198):

Посадите-ко во подвалы глубокие,
 Заприте-ко дверями железными,
 Замкните-ко замками булатными,
 Замечите-ко песками рудо-желтыми.

Это место былины также взято из Кирши Данилова, где оно изложено в третьем лице (К. Д., 88):

Посадить его в погребы глубокие,
 Затворять дверями железными,
 Запирать накрепко замки булатными.

Близкого места к этому в других былинах о Ставре нет. Далее — в том же духе. Фальсификация налицо. Приемы Кострова были слишком примитивны. Взял за основу былину о Ставре из сборника Кирши Данилова и в начале до неузнаваемости, хотя и нелепо, искажил ее, включил эпизоды из других былин Кирши Данилова и, должно быть, из рукописей П. В. Киреевского, ввел их в контекст своей «былины»; начиная же примерно с конца первой четверти текста он, «подправляя» былину Кирши Данилова, пересказал ее содержание почти с буквальной точностью.

Приведем другой случай:

В сборнике Тихонравова и Миллера опубликован ряд былин, которые, как сообщали издатели, записаны крестьянином Кижской волости Оло-

⁹ Последние две строки оторваны от формулы портрета и даны позднее, на стр. 201.

нецкой губернии Иваном Касьяновым и доставлены им Русскому Географическому обществу, которое позволило издателям воспользоваться этими записями.¹⁰ На одной из них — былине об Астоверсте Гординовиче — Ставре Годиновиче мы и остановимся.

Попытаемся на основе сопоставлений общих мест выяснить, где и от кого записана былина.

Пир (Тих.—Милл., 207):

Во славном было городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира,
Заводился у Владимира почесной пир
На многих князей, на бояров,
На славных могучих богатырей,
На всех палениц на удалых
И на всех гостей приходящих.

Из всех сказителей эта формула ближе всего соприкасается с формулой А. Чукова (Гильф., II, 495):

Во стольном было городе во Киеве,
Да у ласкова князя Владимира,
Было пированьице почестной пир,
А на многих князей да на бóтров,
А на всех тых гостей званных-бранных,
Званных-бранных, гостей приходящих.

Хвастовство (Тих.—Милл., 208):

Как все на пиру напивались,
А и все на пиру наедались,
И все на пиру пьяны и веселы сидят,
Да и все на пиру поросхвастались.
Идной хвастал золотой казной,
Идной хвастал добрым конем,
Идной хвастал шелковым платком,
А умной хвастал отцом-матерью,
А безумной хвастал молодой женой.

Опять же эта формула ближе всего к формуле А. Чукова (Гильф., II, 495):

Вси-то на пиру да наедались,
Вси-то на честном да напивались,
Вси на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится есть мóлодец добрым конем,
Иный хвастает да шелковым портом,
Иный хвалит села со приселками,
Иный хвалит города да с пригородками.
Богатый хвастан золотой казной,
Умный хвастан родной матушкой,
А безумный хвалится молодой женой.

Зависимость формулы Касьянова от формулы А. Чукова очевидна: кое-что убрано, кое-что добавлено, кое-что изменено (например, нам ни разу не встретилась форма «идный» вм. «иной» или «один» и похвальба «платком»).

Иногда же Касьянов, следуя за текстом Чукова, оказывается перед неразрешимыми для него трудностями и не может свести концы с концами. Так, он Ставра всюду называет Астоверстом, но когда ему по ходу повествования нужно было следующее место —

¹⁰ Тих.—Милл., 48.

Дать Ставра и не видать Ставра,
А не дать Ставра — разгневить посла.

— и он не мог его перефразировать, то оставил имя Ставра, как было у Чукова:

Мне-как выпустить Ставра, так не видать Ставра,
А не выпустить Ставра, так разгневить посла.
(Гильф., II, 504).

Вся сюжетная схема былины Касьянова целиком совпадает со схемой Чукова. Предположение, что это повторная запись былины от Чукова, но Касьянов не указал имени сказителя, — приходится отвергнуть, поскольку сопоставление типических формул показывает, что они хотя и близки, тем не менее одному сказителю принадлежать не могут. Предположить же, что былина, записанная Касьяновым, и былина Чукова восходят к одному какому-то общему источнику, нельзя по следующим соображениям.

1. Если былины восходили бы к одному источнику, то имена действующих лиц так бы не различались. Например, былина о Ставре Чукова очень близка к былине о Ставре повенецкого сказителя П. Калинина (должно быть, у них общий источник). Эта близость прослеживается во всех деталях, в частности и в именах. Если же сюжет своеобразен (т. е. источники былин разные), то имена действующих лиц, особенно второстепенных, обычно путаются. Так, у Домны Суриковой дочь Владимира названа Настасьей, у П. Пастуховой и П. Макаровой дочь названа Машуткой, и т. п.

Совершенно невероятно, чтобы при такой близости былин разнилось даже имя главного героя. Если не ошибаемся, имя Астоверста нигде больше не встречается.

2. Даже если былины восходят к одному источнику, то и в этом случае текстуального совпадения былин и сохранения всей детализации сюжета обычно не происходит.

Таким образом, почти безошибочно можно утверждать, что Касьянов, имея перед собой текст былины Чукова (возможно, даже печатный), создал новое произведение. От народной былины произведение Касьянова отличается нарочитой установкой на оригинальность.

Типические формулы у сказителей при всей их устойчивости не являются совершенно неизменными: они меняются, творчески обогащаются. Сказители могут вносить в былины детали, подсказанные жизненными наблюдениями или воспринятые ими от других сказителей. Происходит как бы непрерывное смешение и образование новых былинных стилей. Исследователю былин важно разгадать творческую лабораторию сказителей, проследить, например, путь влияния одного сказителя на другого. Часто приходится наблюдать, что былина какого-либо сказителя и по содержанию, и по стилю совершенно отличается от былин других сказителей данной местности. Чем это объясняется? Очевидно, тем, что сказитель усвоил свою былинку где-то в ином месте. Но где?

Опять же типические формулы и здесь могут оказать полезную услугу. Приведем только один пример.

У повенецких сказителей Заонежья одной из распространенных былин является былина о Добрыне и Алеше Поповиче. Несмотря на некоторое своеобразие ее у каждого сказителя, она в то же время имеет много общих для всего Заонежья черт. Несколько особняком от всех былин стоит былина М. Т. Котовой (Гильф., № 26). Одна из отличительных черт этой былины состоит в наименовании жены Добрыни — Настасья Викулична. У всех других сказителей Повенца она всюду именуется Настасьей Микуличной. Больше того, имя Настасьи Викуличны в Заонежском былинном

репертуаре встречается крайне редко: кроме Котовой, мы его заметили еще только у Батова (Гильф., № 187) — выгозерского сказителя и Нигозеркина (Гильф., № 217) — с Водлозера. Своеобразное осмысление в былине Котовой получил мотив игры на гусях. У всех повенецких (как и у всех онежских) сказителей Добрыня, выдающий себя за скомороха-гусяра, играет на гусях для того, чтобы быть на пиру и заслужить чару вина, в которую он затем опустит свой брачный перстень. У Котовой же Добрыня играет на гусях для того, чтобы жена узнала его.

Чем объяснить это своеобразие былины Котовой, когда она, по ее словам, заучила свою былинку «от стариков»?

Большинство типических формул Котовой — в русле былинной традиции Повенца, но одна формула поражает своей неожиданностью — способ выпивания вина:

Наливаёт Олешенька Попович е ту чару зелена вина:
Весом чара полтора пуда,
Мерой чара полтора ведра,
Уж подносит ту чару е Добрынюшке Микитичу.
Он берет ту чару единым перстом,
Единым перстом, берет мизёнышком.
Выпил он чару на единый дух.

(Гильф., I, 301).

Даже близкой параллели к этой формуле у Онежских сказителей не встретилось, но эта формула распространена у мезенских сказителей (в особенности деревень Тиглява и Нисогоры).

Он (Алеша, — П. У.) наливал ей ведь чару да зелена вина,
Он не малу, не велику ей, полтора ведра,
Подават она калики да чяру зелена вина.
Прымат тут калика да чяру-ту зелено вино;
Одною где тут рукой берет, одним мизенышком,
Выпиват ету чяру да зелена вина.
Выпиват ету чяру да к одному духу.

(Григ., III, 645).

Именно у этих сказителей жена Добрыни всюду именуется Настасьей Викуличной, так же как и у Котовой; именно у этих сказителей Добрыня играет на гусях для того, чтобы его узнала жена.

Но былины мезенских сказителей по сюжетной схеме в целом отличны от былины Котовой. Таким образом, текст Котовой соединяет в себе различные былинные стили — повенецкий (онежский) и мезенский. Поскольку былина Котовой довольно сильно отличается от мезенских былин и ближе все же к повенецким былинам, то следует предположить, что Котова восприняла былинку именно уже в этом «смешанном» виде. Надо полагать, что кто-то занес на Повенец мезенскую былинку, и она претерпела здесь такую эволюцию.

В настоящей статье мы попытались выяснить некоторые закономерности в использовании типических мест сказителями. Многие вопросы, поднятые в статье, только поставлены и далеки от разрешения. Цель работы — показать, что изучение типических мест открывает перед исследователями широкие горизонты проникновения в лабораторию эпического творчества.

В заключение хотелось бы высказать предположение, что некоторые закономерности в использовании типических формул в былинах могут

нметь место и в других жанрах, с учетом их специфики, в частности в волшебных сказках.

Этот вопрос должен стать предметом особой статьи, здесь мы ограничимся только следующими замечаниями.

1. Объем типических мест в сказках значительно меньший, чем в былинах.

2. У талантливых сказочников типических мест значительно больше, чем у менее талантливых. Менее талантливые сказочники часто всю сказку сводят к пересказу сюжетной схемы.

3. Многие типические места являются общими для былин и сказок, как и для других жанров (духовных стихов, причитаний).

4. У талантливых сказочников, так же как и у сказителей былин, типические места отливаются в строго законченную, присущую только данному сказочнику форму.

